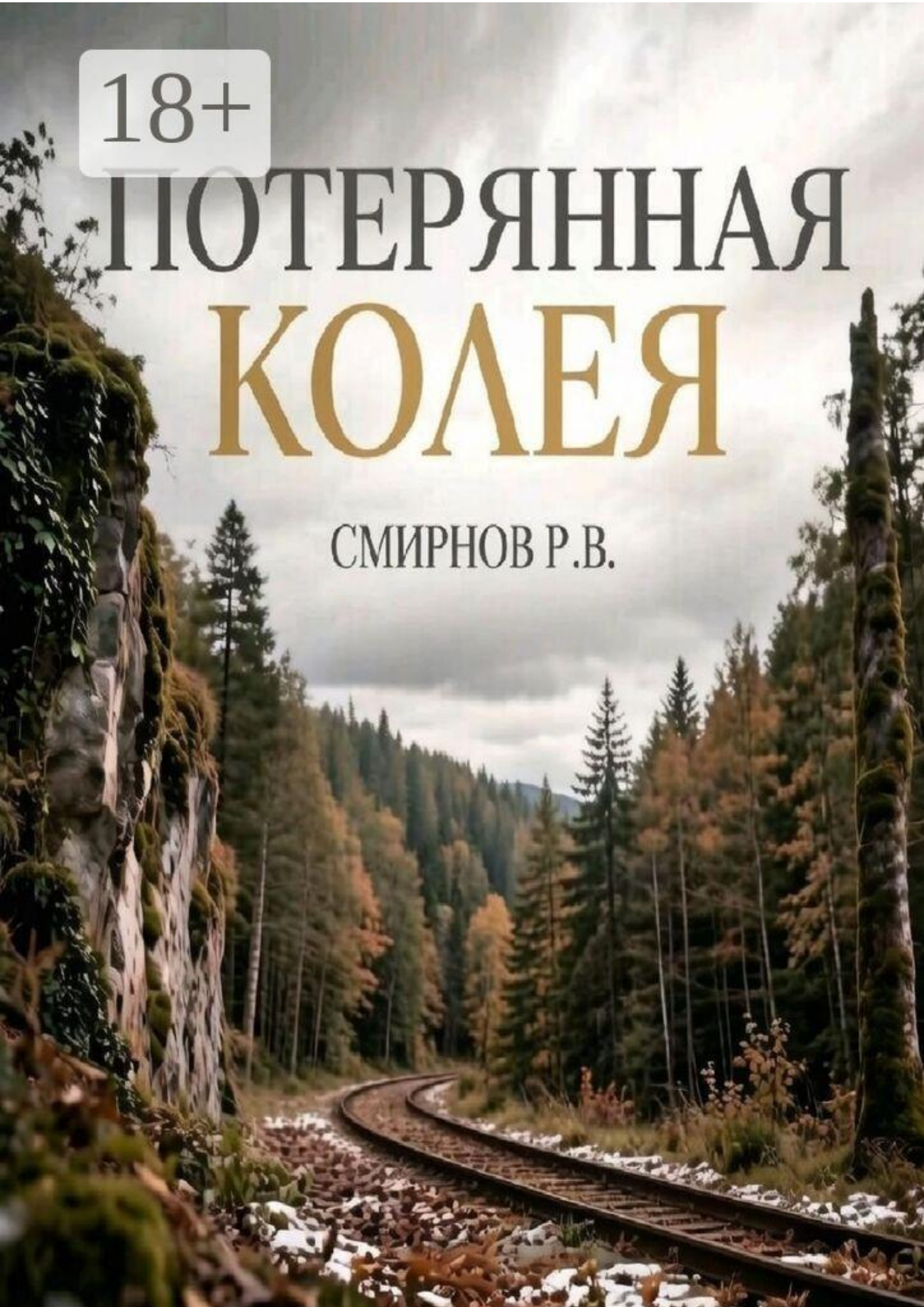

18+

ПОТЕРЯННАЯ КОЛЕЯ

СМИРНОВ Р.В.

Роман Смирнов

Потерянная колея

«Издательские решения»

Смирнов Р. В.

Потерянная колея / Р. В. Смирнов — «Издательские решения»,

Привычная жизнь шестерых незнакомцев рушится также, как и построенные накануне планы. Попутчики оказываются вынуждены столкнуться лицом к лицу с дикой природой и собственными пороками. А те лишь накаляют обстановку, не давая пассажирам возможности найти общий язык друг с другом. Несмотря на разногласия, желание любой ценой вернуться домой объединяет и помогает двигаться к цели. Но что если верная дорога продолжает упрямо скрываться, а свобода требует изменений?

© Смирнов Р. В.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
Глеб	6
Дядя Миша	9
Сергей Сергеевич	12
Лиза	14
Рита	17
Степан Александрович	19
Глеб	22
Дядя Миша	24
Сергей Сергеевич	26
Лиза	28
Степан Александрович	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Потерянная колея

Роман Викторович Смирнов

Редактор Анастасия Пашигина

© Роман Викторович Смирнов, 2026

ISBN 978-5-0070-8744-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I

Глеб

Тонкая грань между припекающим солнцем и освежающим весенним ветром размывала всю стабильность. Задуманный Глебом план на сегодняшний день менялся чуть ли не ежеминутно. Стоя на крыльце университета, с сигаретой в зубах, он неспешно наблюдал за однокурсниками.

— Примитивный денек какой-то... Может, покуролесим? — бросил парень в толпу студентов.

Предложение развлечься было встречено холодно. Лишь пара человек, отвлекшись от беседы, обернулись на него, но тут же молча вернули внимание обратно. У Глеба не было особой надежды на отклик со стороны сверстников, поэтому он не расстроился. Вместо этого сделал очередной вывод о разности с ними.

Настроение было крайне шатким, как и температура на улице: хотелось то ли «дать жару», то ли охладиться в бездействии. Какая-то определенность возникла лишь с выходом на крыльцо Мини — одnogруппницы, всегда готовой к сомнительным приключениям и недуманным поступкам.

Толкнув несколько человек плечом, девушка спустилась со ступенек и достала из сумочки сигареты. Сделав глубокую затяжку, Мини замерла, приподняв голову. Стоявшие рядом студенты смотрели на ее закрытые глаза и ждали, когда она наконец выдохнет дым. Все уже знали, что пока этого не произойдет, трогать ее или тем более заводить разговор бесполезно. Спустя не меньше, чем десять секунд, это свершилось...

— Тяжелый день, Мини? — с теплотой спросил Глеб.

— Ничего особенного, просто старушка опять ко мне придиралась. Видите ли, я неправильно поняла ее замечания. Так выражай свои мысли нормально, а не шепелявя и заикаясь. А вообще, мы все знаем, что ей просто не нравится мой эпичный и эксклюзивный образ.

По правде говоря, Мини действительно выглядела достаточно броско. Всегда в ярких ботинках, дырявых штанах или цветастых лосинах, балахоне и, конечно, с лохматой прической и крайне пестрым макияжем.

— Она просто тебе завидует. Старушке не хватает чувства вкуса, вот она и срывается, — обнял Глеб девушку. — Ну что, по коктейльчику?

— А к черту ее! — бросив недокуренную сигарету, сказала Мини.

Они шли, почти не разговаривая, по уже «протопанной» дороге от университета до ближайшего бара. На плечах Мини висели наушники, из которых четко угадывались мелодии известных песен. Собственно говоря, все общение, если это можно так назвать, состояло в дружном подпевании припевов.

Спустя несколько треков показалась заветная вывеска «Хопперс бара». Наушники затихли — настало время музыки из колонок.

Парочка по обычаю уселась за барной стойкой, чтобы не тратить время на ожидание официанта.

— Мне виски и стаут, — произнес Глеб, не смотря в меню. — А девушке лонг-айленд.

Это был их стандартный набор для начала веселья. Виски с пивом быстро делали свое дело — озорное настроение появлялось чуть ли не моментально. Затем в очередь шли шоты и настойки. Разговоры становились все непринужденнее, а поведение раскованнее.

Спустя два часа в приподнятом настроении возникла та самая, казалось бы, ничем не объяснимая пауза, которая всегда появлялась в их общении в какой-то момент. Они не могли

понять, почему и откуда она берется, но с ее приходом совместное времяпрепровождение неизбежно подходило к концу.

Глеб посмотрел в глаза Мини, пытаясь разглядеть в них отражение атмосферы, которая их окружала. В этот момент бар наполнился смехом, но эти двое словно находились в маленьком пузыре, изолированном от внешнего мира. Глебу хотелось продолжить разговор, но слова не находили выхода.

— Ты как всегда великолепна, знаешь? — улыбнулся Глеб, желая нарушить молчание.

Казалось, Мини задумалась над его словами. Она прикусила губу и, наконец, ответила:

— Спасибо. Ты всегда умел говорить комплименты. Это, наверное, твой скрытый талант.

Глеб рассмеялся, но в его сердце зрело сомнение. Будто между ними возникла преграда, которую невозможно было преодолеть. Они всегда были близки, но сегодня он чувствовал, что что-то изменилось. Возможно, это было обострение их дружбы, назревающее под поверхностью. Или же весенний вечер, наполненный ожиданиями и неясными чувствами.

— Знаешь, а я всегда восхищался твоей смелостью. Ты ни на кого не похожа, — сказал Глеб, чувствуя, что слова сами льются из уст.

Мини слушала это смотря своим вечно отстраненным, с налетом грусти, взглядом на руки, лежащие на барной стойке, легонько потирая пальцы друг о дружку.

— Может, и так, но смелость не всегда приводит к хорошим результатам, — ответила она. Ее голос звучал немного грустно. — Иногда кажется, что чем больше я стараюсь быть собой, тем меньше меня понимают.

Глеб не знал, как на это отреагировать и, самое главное, объяснить, что именно ее необычность привлекает его.

— Ты просто удивительна, — произнес он тихо, стараясь, чтобы этот момент остался в их памяти. — Не надо быть похожей на других.

Мини внимательно посмотрела на него, словно искала подтверждение сказанному и, на мгновение, пересеклась с ним взглядом, но той искры, которую они ждали, не случилось.

— Раз уж мы чудим, давай попробуем что-то действительно безумное? — внезапно предложила девушка. — Например, спонтанную поездку куда-нибудь на выходные.

Глеб почувствовал, как его сердце забилось быстрее.

— Отличная идея. Куда именно?

— Не знаю, может, на озеро или в горы. Или даже в другой город. Просто сбежим.

Глеб подумал, что это могло бы стать началом чего-то большего, но в то же время, он не мог избавиться от ощущения, что этот момент также означал прощание с тем, что было между ними раньше.

— Давай, — согласился он. — Это будет настоящее приключение.

Мини, словно почувствовав его сомнения, улыбнулась и добавила:

— Мы просто должны быть спонтанными. Пойдем закажем еще по одному и решим, когда уходим.

Пауза, которая вновь возникла между ними, теперь казалась не настолько пугающей, как прежде. С каждым глотком они приближались к чему-то новому, но, как всегда, оставалась неизменной та пресловутая тонкая грань между дружбой и чем-то большим. Однажды они пытались обсудить эту тему, но ни к чему дельному не пришли, решив оставить её как знак того, что насытились друг другом.

Глеб посмотрел на свою кисть, будто бы там были часы, и произнес:

— Ну что, поставим восклицательный знак и по домам?

«Поставить восклицательный знак» в их собственном жаргоне означало совершить какой-то яркий, запоминающийся поступок. Это могло быть что угодно. Например, изобразить в каком-то людном месте, будто Глеб делает Мини предложение, и она соглашается. Все обычно начинали хлопать, радоваться, иногда даже что-то дарили, но тут внезапно Мини отзы-

вала свое согласие, обосновывая это собственной изменой или беременностью. Ради таких выражений на лицах они и проводили перформанс.

Еще был случай, когда Глеб залез на барную стойку и, крикнув на весь кабак: «Всем пиво за мой счет!», быстро ретировался из бара. Но сегодня парню хотелось испытать больше эмоций — настала очередь его коронного шоу.

Окинув столики взглядом, он заметил компанию из четверых достаточно крепких мужчин. Один из них, судя по комплекции, плотно занимался спортом. Крупный лысый череп со лба и почти до затылка был покрыт складками, а позы, жесты и голос явно указывали на лидирующую позицию среди товарищей. Последние постоянно облизывали здоровяка взглядами и поощряли смехом даже не самые смешные шутки.

Подойдя к компании, Глеб нахально отодвинул свободный стул и, не дожидаясь приглашения, подсел за стол. Возникло неловкое молчание. Как и ожидалось, первым пришел в себя здоровяк.

— Тебе что-то нужно? — твердо и как бы выпятившись на собеседника произнес мужчина.

— Да, в сущности, ничего, просто хотел сказать, что твоя голова похожа на шарпея.

Лысый опешил и вновь поймал тишину. Компания уже не смотрела на незваного гостя, а только пыталась прочесть мысли своего главаря. Вероятно, почувствовав это, он сразу постарался реабилитироваться.

— Ты офонарел, дрищ!?

— Так, давай без прелюдий. Ты меня бесишь, и я тоже наверняка не совсем тебе приятен. Предлагаю выйти и решить, кто есть кто. По-мужски, до первой крови. Согласен? Только сразу договоримся: охранник — свидетель, — вбросил Глеб и, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

Здоровяк еще какое-то время сидел в компании, то ли обдумывая, не подстава ли это, то ли чтобы показать свою важность. Выйдя спустя несколько минут из бара, мужчина увидел своего оппонента, Мини и вышибалу, которому явно нравилось происходящее. Условие было соблюдено — бойцы пожали руки и получили сигнал от рефери о начале поединка.

Глеб первым вмазал лысоголовому и тут же отпрыгнул. Чутка пошатнувшись, мужик удивленно посмотрел на соперника, не веря, что такой мелкий паренек может начать драку, но это произошло, и теперь должна была свершиться справедливость. Однако стоило бугаю сделать шаг навстречу, как Глеб достал нож. Мужик растерялся, а охранник даже не моргнул: он знал, чем это закончится. Посмотрев на испуганного соперника, парень выждал паузу и, насладившись победой, резанул себя по кисти. С руки потекла тонкая струйка крови.

— Первая кровь. Бой окончен, — констатировал вышибала.

Мужик с головой шарпея остался в ауте: его оскорбили перед товарищами, ударили по морде и лишили возможности взять реванш. Лицо бедняги то наливалось кровью, то бледнело. Он прокручивал в голове все произошедшее, пытаясь найти хоть какую-то логику, хоть какой-то смысл. Вот только ясность во всей этой ситуации мог внести исключительно обидчик, но он, замотав руку платком, поданным Мини, уже двигался восвояси.

Идя с ней в обнимку, Глеб закурил сигарету и с наслаждением произнес:

— Ну как тебе сегодняшний восклицательный знак?

— Как обычно — прекрасно! Правда, в какой-то момент я подумала, что этот тоже полезет на нож, как тот тип в прошлый раз...

— Да, в прошлый раз все пошло не по плану, поэтому теперь деремся до первой крови только со свидетелями. А на завтра у меня новая задумка — уверен, тебе понравится.

Дядя Миша

Просторная трехкомнатная квартира в стиле ретро, доставшаяся дяде Мише по наследству, хранила дух глубокого Советского Союза. Штучный паркет из дуба, массивный комод, винтажное зеркало, книжные стенки, агитационный плакат, со стоящим перед ним на полке граненым стаканом, и, конечно, ковры, размещающиеся везде, где только можно, кроме потолка.

О двадцать первом веке напоминали разве что современный телевизор, кофеварка и наполняющая шкаф одежда. Хотя и она, откровенно говоря, была не совсем современна. Скорее, это был стиль нулевых, который на фоне всего остального резал глаз новизной.

Дядя Миша не выглядел на свои шестьдесят лет. И хотя он не старался гнаться за молодецким обликом, но всегда следил за собой: начинал день в чистых вещах, выбритый, наодеколоненный. Судьба в большинстве своем ему благоволила. Получив приличное наследство еще в юношестве, он нигде серьезно не работал. Конечно, было множество попыток найти себя в каком-то деле, но все они не приносили желаемого результата.

Дольше всего (чуть больше полугода) дядя Миша проработал в ООО «Иванрострест», в качестве аудитора, что являлось абсолютным рекордом. Справедливости ради, нужно сказать, что это была одна из тысяч подставных фирм в лихие девяностые. Его туда устроил однокурсник, который пошел по пути криминалитета. Михан — так его обычно звали в то время — должен был просто сидеть в офисе, иногда что-то подписывать и, главное, не лезть в чужие дела, не задавать вопросы и, как это говорилось, «не отсвечивать». Платили хорошо, работы — без малого ноль, знай себе сиди, гоняй чай да смотри видик. Дядя Миша так и поступал, оставляя деньги вечерами в ресторанах, казино и ночных клубах. Но спустя полгода и эта идеальная, казалось бы, работа перестала его устраивать. Не то что бы он гнался за большими деньгами, просто наскучило, и он решил уволиться. Правда, и тут ему повезло: спустя пару недель работодателя арестовали, контору закрыли, а всех работников отправили под следствие. Михан — который ни с кем толком не znalся, получал зарплату только в конверте и вообще официально не числился — был просто призраком.

Дальше работы были и того короче, да и сильной нужды в них не было. Парню было где жить, что есть и что носить. Состоятельные родители, уехавшие за границу сразу после выпускного сына, регулярно отсылали ему деньги. Общение было минимальным: поздравительные открытки на праздники и редкие непродолжительные телефонные звонки. Со временем общение по телефону прекратилось, затем перестали приходить открытки на Новый год и день рождения, а ближе к нулевым и деньги. Оставленный сын не стал разыскивать родителей, да и не мог сказать, что сильно скучал по ним. К тому же на тот момент у него были две переписанные на него квартиры: трехкомнатная на окраине, где он жил до настоящего времени, и двушка почти в самом центре города. На деньги от сдачи второй в основном он и жил.

Проснувшись этим утром, дядя Миша по обычаю принялся приводить себя в порядок. Эта процедура всегда стояла у него на первом месте, и что бы ни произошло, в каком бы состоянии он ни был, ей уделялся час, а то и полтора. Водные процедуры, бритье, глажка одежды... Только после выполнения всех требований, которые дядя Миша сам себе составил, полноценно начинался новый день.

Первым делом в выходной он всегда шел в торговый центр, хотя и не любил саму идею подобных мест и уж точно не был шопоголиком, но именно там он обретал духовную силу. Все дело в том, что дядя Миша не любил и даже несколько презирал старость, считая, что большинство зрелых людей скучны и излишне пессимистичны, а сам он — безусловное исключение. Поэтому львиная доля его общения приходилась на молодежь.

Поднявшись в ресторанный дворик, он направился к группе ребят, которые сидели за произвольно сдвинутыми столиками. Они шумно что-то обсуждали, активно жестикулируя и никого не замечая. Лишь появление элегантного мужчины смогло привлечь их внимание.

— О-о-о... Дядя Миша! — воскликнул один из парней, уступая свое место. — А расскажи нам какую-нибудь байку.

Это были то ли старшеклассники, то ли студенты первых курсов. Они частенько встречали своего рассказчика в фудкорте и заводили с ним беседу. Им нравились его истории — всегда интересные, динамичные, порой пошловатые, но обязательно правдивые. А дядя Миша черпал у них жизненную энергию и неугасаемый юношеский оптимизм.

— Байку? Байку не расскажу, а вот мне есть чем у вас поинтересоваться. Скажите, что вы думаете о сегодняшнем дне?

— Самый лучший день заходил вчера... — напел один из ребят.

Товарищи моментально подхватили шутку дружным смехом.

— Нет, ну я серьезно. Что думаете о двадцать первом веке в целом? Как вам современные развлечения, музыка, танцы?

— Да вообще не очень: всюду камеры, полицаи, контроль дикий. Нам бы в девяностые, мы бы как «Бригада» были! — с полной серьезностью произнес коротко стриженный парень в спортивном костюме.

— Бригада? О, не братцы... Там совсем не то. Грязь и страх. Мне вот очень нравится современность. Вы, конечно, не знаете, но посмотрите в интернете на ночные клубы девяностых. Это же просто ужас! Страшные, немытые девчонки с волосатыми подмышками, какие-то гопники и лжеавторитеты. То ли дело сейчас! Все красиво, приятно... А девчонки! Красотки-модели, вежливые, воспитанные, некоторые даже начитанные. Можно влюбиться без остатка за раз. А еда? Еда какая стала! Раньше пирожки да чебуреки в ларьках — чистая русская рулетка. Каждый раз берешь и думаешь: пронесет или нет. Причем «пронесет» верно в обоих вариантах интерпретации слова. А сейчас тебе сто вкусовостей на метр квадратный. Нет, я люблю это время. И вы на него не обижайтесь, вам очень с ним повезло.

— Ну, дядя Миша, ты как обычно, — подытожил один из парней.

Будто по команде, у ребят продолжился беззаботный разговор, а их собеседник, откланявшись, направился в сторону выхода.

Положительный настрой на день был получен, и дядя Миша отправился в парк на прогулку. От воды веяло прохладой, но солнце уже давало приятное тепло тем местам на теле, что не были спрятаны под одеждой. Мимо проходили парочки пенсионеров, мамы с колясками, и изредка, будто перышки на ветру, пролетала детвора. Дойдя до очередной лавочки, дядя Миша увидел одинокую девушку, которая явно была не в духе: то и дело терла глаза, не поднимая головы, и вздрагивала от каждого проходящего мимо человека.

— Я присяду? — скромно спросил дядя Миша.

Девушка растерялась, резко подняв голову и отодвинувшись на край скамейки. По ее лицу было понятно, что она много проплакала и успокоилась, видимо, совсем недавно. Кинув беглый взгляд по сторонам и убедившись, что свободных мест нет, она ответила:

— Присаживайтесь.

Выждав около минуты и издав томный, казалось, наигранный вздох, дядя Миша произнес:

— А вы знаете, я только недавно стал вдумываться в смысл старых песен. Вернее, я понимал их, но сейчас начал переоценивать. Многие будто обновились, будто я их впервые слышу. Представляете, на это мне потребовалась куча времени. Это как хотеть завести детей — приходит с возрастом. Очень жаль, что сейчас поколение торопыг. Они даже соглашаются словом «ок» — так короче и быстрее. А ведь как часто нам просто нужно немного подождать, чтобы что-то увидеть или что-то получить...

— Зачем вы мне это говорите? — уже собираясь уйти, произнесла девушка, но внезапно для себя, без малейшей паузы, продолжила: — Чего мне ждать? Воскрешения? Или пока я на тот свет отправлюсь?

— Верно! Все мы созданы для горя. Это наша судьба. Страдать и терпеть — это то, чем наделен каждый наш день. Но как бы плохо нам ни было, мы все равно ищем счастья. Стремимся к нему, и что бы ни делали, мы делаем ради него. И всегда получаем, пусть часто незаметно для самих себя. Откровенно говоря, большинство людей избалованы, им будто вечно его не хватает. Нужно учиться пускать счастье к себе в сердце, например, у бомжей. Посмотрите, какие они бывают счастливые, не имея по сути ничего. В метро они просто обнимают друг друга, и они счастливы, потому что на улице льет дождь, а тут им тепло и мягко. А если у них еще есть бутылка какого-нибудь дешевого пойла, то вообще: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!».

Девушка рассмеялась, не в силах сохранить свое депрессивное состояние, хотя очень старалась.

— Ну вот, другое дело! А теперь и я пойду поднимать себе настроение и искать счастья. Дядя Миша встал, помахал рукой и удалился в сторону выхода из парка.

План минимум был выполнен. Обычно дальше следовали плотный обед, сон до вечера, очередное приведение себя в порядок, а дальше — главная часть «Марлезонского балета»: посещение ночных клубов или других увеселительных заведений. Но сегодня все пошло не по сценарию...

Отобедав в ближайшей к дому кафешке, мужчина отправился на сиесту и по пути заглянул в почтовый ящик. Дядя Миша делал это только в одном случае: когда ящик переполнялся рекламками и газетами, ведь ему уже давно никто не писал.

Однако сегодня среди кипы лежало письмо, очень похожее на то, какие некогда присылали ему родители. Сердце своевольно замерло, взгляд уставился на белый конверт в охладевших руках. В голове пробежала мысль: «Нет, это невозможно. Слишком много времени прошло. Они не могут быть живы...»

Желание открыть письмо прямо на месте не смогло взять верх перед культурностью, и дядя Миша поспешил домой. Мимо пронесли лестничные пролеты, перила, двери — и вот мужчина уже сидел в кресле со вскрытым конвертом.

«Здравствуй, Михаил!»

Скорее всего, ты будешь в шоке от этого письма, но я очень надеюсь, что не будешь зол. Я только недавно узнала, что ты существуешь, и сразу решила разыскать тебя. Надеюсь, мое послание дошло в целости... Я знаю, что родители не рассказывали обо мне, как и мне о тебе. Сомневаюсь в правильности своего решения, но я еду в твой город, прибытие 27-го числа этого месяца. Если захочешь познакомиться, я буду рада. Мой номер телефона на обратной стороне.

С трепетом, твоя сестра Элиас».

Сергей Сергеевич

— Коля! Неси сюда свое седалище! Сколько раз тебе говорить, ленивый ты ихтиозавр, что документы мы отправляем не рассылкой, а личными сообщениями!? — кричал Сергей Сергеевич на подчиненного, размахивая при этом руками. — Вы меня все достали! Уволю к такой-то бабушке, и дело с концом!

Его лицо налилось кровью от злости, дыхание участилось. Выходя из кабинета, он будто нарочно задел табличку на столе секретарши, а она, почти не глядя, подхватила ее, как только та начала падать. Это движение было у Анны почти автоматическим. Она уже давно хотела убрать табличку, которая чуть ли не каждый день попадала под горячую руку, но каждый раз кто-то возвращал несчастную на место.

Сергей Сергеевич, будучи в прошлом серьезным бизнесменом, привык к четкому выполнению поручений подчиненными, а так как поручения его зачастую были непростыми, а иногда почти невыполнимыми, то и ругаться ему приходилось с регулярной периодичностью. Правда, скандалил он не только со своими работниками, а практически со всеми, кто хоть немного отходил от его видения мира.

На выходе из здания мужчине на глаза попался охранник, читающий какой-то глянцевого журнала.

— Павел Андреевич! А что, у нас работы нынче нет? Камеры у нас теперь, наверное, оборудованы датчиками биометрии с вшитыми делами всех преступников? Если так, то с минуты на минуту ждем наряд полиции.

— А что случилось, Сергей Сергеевич? — заранее виноватым голосом произнес охранник.

— А то случилось, Павел Андреевич, что у нас на посту охраны сидит самый настоящий преступник, который не выполняет своих обязанностей! За камерами следи! Еще раз увижу — начальнику охраны позвоню с условием: либо тебя уберут, либо у нас будет другой ЧОП!

Последние слова мужчина говорил уже уходя, развернувшись спиной к посту охраны. Ему было все равно, услышал ли его адресат — замечание было озвучено.

Едва Сергей Сергеевич подошел к широким ступенькам, ведущим из здания к парковке, как тут же появился черный «Мерседес» и остановился ровно напротив, в метре от ступенек. Из машины выбежал водитель, открыл начальнику дверь и, дождавшись когда тот сядет, бегом уселся за руль и тронулся с места.

Они ехали по проспекту, не разговаривая, только водитель то и дело поглядывал на своего пассажира в зеркало заднего вида в надежде услышать хоть что-то. Шофер не мог спросить, куда ехать, так как за подобные «глупые», как говорил Сергей Сергеевич, вопросы получал нагоняй, и поэтому просто не спеша следовал по прямой в ожидании указаний.

— Славочка! Мне тебя премии лишить, или ты поворот проехал?

Как это часто бывало, вопрос был поставлен так, что правильного ответа на него не существовало. Поэтому Слава, уже наученный горьким опытом, выбрал тот, который наименее болезнен:

— Простите, Сергей Сергеевич! Проехал. А напомниме, пожалуйста, куда нам сейчас?

— Ну вот дебил дебилом! Возишь депутата, а куда ехать не знаешь. Может, тебе в такси все же лучше вернуться? Там такие люди нужнее. Домой меня вези, юродивый! — по сравнению с предыдущими случаями начальник будто не ругался, а говорил это с крайне усталой интонацией, но Славе от того легче не становилось.

По пути к дому под руку пассажира попались еще несколько невезучих людей: заправщик на АЗС, влюбленная парочка у подъезда и сосед, который боялся Сергея Сергеевича до дрожи, так как тот неоднократно вызывал на него патруль.

Наконец мужчина вошел в квартиру.

— А я не понял! Мне кто-нибудь тапочки даст, или мне левитировать до столовой?

Из комнаты незамедлительно выбежала женщина лет тридцати, со втянутой в плечи шеей, и тихим, почти писклявым голосом произнесла:

— Прости, любимый, забегалась. Вот твои тапочки, — сев на одно колено, Люся начала помогать депутату переобуваться.

Это была его жена, которая всю свою жизнь, с момента окончания школы, прожила с ним. Она нигде не училась и никогда не работала, так как Сергей забрал ее из дома и сказал, что единственный труд, достойный женщин, — содержать дом в чистоте. По сути, Люся была морально подавленной мужем домохозяйкой, которая покорно выполняла все его прихоти.

— Забегалась она! Спортсменка, блин. Надеюсь, хоть поесть чего-нибудь успела состряпать? А то сегодня столько козлов за день повидал — надо стресс заесть, — сказал Сергей и, не обращая на жену внимания, отправился в столовую.

Открыв дверь, он замер, чуть выпрямился и оглянулся на Люсю. Спустя несколько секунд молчаливого переглядывания, она покачала головой из стороны в сторону и еще более виновато и тихо, чем в первый раз, сказала: «Не успела».

В этот миг из столовой раздался низкий баритон: «Ты чего там разорался, как на параде? А ну, звук убавил и быстро за стол!».

Сергей Сергеевич изменился в лице. Он вдруг начал выглядеть неуверенным, хлюпким юношей, которого поймали в парке за распитием спиртного. Теперь уже он вжал голову в плечи и быстрыми шагами прошел вперед. Тихим и неуверенным голосом, который стал теперь в два раза выше, чем прежде, он пробубнил: «Здравствуй, бать», — и, не поднимая глаз, выполнил команду, сев напротив своего отца.

Тот был рослым, плечистым мужчиной со взглядом ни то быка, ни то питбуля, с мощными, как жернова, челюстями и ярко выделенными бровями. Бывший (хотя, как он сам говорил, таких не бывает) офицер. Он один воспитывал Сереженьку со школьного возраста. Его мать умерла, когда мальчик был в начальной школе, и офицеру приходилось работать за двоих. Сережа часто оставался один, поэтому рано научился самостоятельности. Воспитание от отца сводилось в основном к уборке, делам по дому, а чуть позже и готовке.

Офицер, не предлагая сыну, выпил рюмку и закусил отбивной, которую грубо насадил на вилку. Сергей же не поднимал взгляд, а смотрел в тарелку, в которой лежала, по всей видимости, приготовленная отцом свинина.

— Ну что, ты все еще в политике? — пережевывая кусок мяса, спросил мужчина. — Там одни воры да болтуны. Скажи-ка, ты-то сам вор или болтун? Молчишь. Стыдно? Это хорошо, если стыдно — значит хоть немного совести осталось, — проглотив отбивную, он встал и прошел к выходу. — Люся, пальто! Чуть не забыл. Я чего заходил-то... Твой дядя Кирилл из Красноярска помер, послезавтра едем на похороны. Билеты я купил, паспорт не забудь.

— Бать, мы неделю до туда на поезде добираться будем, давай я на самолет билеты возьму. У меня работа же, меня никто так надолго не отпустит.

— Цыц! Буржуй! Нет уж, мы на проверенном транспорте. Самолеты твои отменяют по сто штук в день, а поезд — это стабильно. Никаких разговоров, послезавтра в восемь ноль-ноль на вокзале.

Он открыл дверь и, не пожав протянутую ему руку, вышел в подъезд.

Лиза

«Этот день сведет меня с ума. Срочно нужно землетрясение, ураган, цунами, хоть что-то, лишь бы все отстали от меня на пару часиков», — с этими мыслями Лиза ходила по врачам с шести утра.

Торговое представительство — штука сложная. Что бы ты ни чувствовал, тебе всегда нужно натягивать маску, заходя в кабинет ко врачу, и втюхивать ему какие-то препараты. Все осложнялось тем, что поголовное большинство с ходу посылало сотрудницу куда подальше, так как эта деятельность не совсем законна. Поэтому часто получалось так, что, проведя в дороге без малого час, Лизе приходилось ехать обратно спустя две минуты нахождения в медицинском учреждении. Правда, у девушки были и любимчики. Иногда ей встречались алчные врачи, которые за процент или конвертик рекламировали нужное лекарство хоть бабушкам, хоть инвалидам.

На сей раз попался именно такой клиент, и это был первый момент за день, когда Лиза улыбнулась не из-за того, что так положено, а по зову сердца. Встреча вышла действительно плодотворной: удалось вручить и пробники, и все буклетики, да и врач, в отличие от большинства, будто действительно заинтересовался предложенной продукцией, а не просто хотел выручить пару лишних тысяч, и это значило, что дополнительных расходов не последует.

Избавившись от всего раздаточного материала, девушка поехала в офис.

— Привет, Лизок! — очень радостно встретил ее коллега при входе. — Иваныч уехал на встречу руководителей, так что до конца дня можно филонить. Кофе будешь?

— Нет, Никит, я сегодня перепила уже. Даже подташнивает.

— Ну, тогда иди завались на диван и валяйся до вечера. Без начальства жизнь — мед.

— Да куда там... Мне сегодня кровь из носа нужно два оффера закрыть, — не останавливаясь, Лиза прошла в свой кабинет.

У нее были большие планы по поводу заработка и жизни в целом. Некогда она жила в провинциальном городке. Отучившись в единственном имеющемся там вузе, она четко решила переехать в большой город и обосноваться в нем. И пусть Лиза была работящей и неизбалованной, но для того чтобы ее желание осуществилось, нужно было что-то еще. Она сама до конца не могла понять что: то ли везение, то ли какая-то жилка, которой ей, видимо, не доставало, поэтому просто продолжала пахать и надеяться на лучшее.

Однокомнатная квартира, которую она снимала с подругой на двоих, находилась в повидавшей виды многоэтажке. Периодически, особенно в морозы, в ней ломался кодовый замок, и застревал лифт. Этот день не стал исключением, и вымотанной на работе девушке пришлось подниматься на десятый этаж по лестнице.

— Тань, умоляю, налей чая, — войдя в квартиру, попросила Лиза подругу.

— Привет, дорогая! Что-то ты сегодня особенно убитая. Опять сверх нормы вкалывала? Говорила же, оно того не стоит, оклад у всех одинаковый, а когда тебя заметят, и заметят ли вообще, неизвестно.

— Да-да, помню: инициатива бьет инициатора... А что поделать? Я так и буду всю жизнь на съемную квартиру работать и мечтать о море? — пройдя на кухню, девушка рухнула на стул и вяло взяла чашку.

— Слушай, у нас завтра на работе коллеги собираются неофициальный корпоратив устроить. Все приходят плюс один. Пошли со мной! Тебе надо развеяться, отдохнуть немного, а то у тебя выходные — не выходные. Вроде бы дома, а все равно с бумажками своими сидишь.

— Ты же знаешь, мне нужно хоть день в горизонтальном положении проводить, пусть и с бумажками. Да и не встану я.

— Встанешь! Я подниму. И кофе в постель организую, если надо. Ты просто такими темпами вообще никуда и никогда не выйдешь. Потом кукушка поедет, и положат тебя под ремни на больничную койку. Хоть раз в месяц можешь себе позволить развеять голову?

— Не знаю, Тань, может, ты и права. Но сегодня решать ничего не будем, доползти бы до кровати.

Конец недели всегда был примерно одинаковым. Накопившаяся усталость валила с ног, а голова отказывалась думать. Изнуренность особенно ярко отражалась на лице Лизы, хотя той было всего двадцать пять. Если в начале недели она всегда выглядела свежо и подтянуто, то ближе к выходным под глазами появлялись синяки, а уголки рта начинали стремиться вниз.

На следующий день Лиза вспомнила слова подруги и пришла к выводу, что действительно — последние несколько месяцев она нигде, кроме как дома и на работе, не была, и, несмотря на привычное желание провести выходной в кровати, решила-таки согласиться на предложение Тани.

Развлекательный центр со всем его множеством забегаловок и разнообразием увеселительных мест непривычно резал глаза. Лиза давно не была в подобных шумных местах. Ото всюду лилась музыка, а навстречу шныряли улыбающиеся люди. Безусловно, девушке постоянно приходилось слышать ругань бабушек в поликлиниках и иногда встречать на улице веселых прохожих, но это было совершенно другое. Тут будто сконцентрировалось все веселье этого города. Она и представить не могла, что отвыкла от такой атмосферы.

Первым делом подруги отправились в бургерную, где остались дожидаться коллег Тани. С периодичностью в пять-десять минут к ним присоединялись незнакомые Лизе люди: примерно ее ровесники, многие из которых приходили парами. Таня представляла подругу всем знакомым, но некоторых она и сама не знала, так как кто-то приводил друзей не с работы.

Все были веселы и доброжелательны, но Лиза не стремилась беседовать или хоть как-то взаимодействовать с ними, так как отвыкла от неформального общения. Дождавшись последнего гостя, компания решила пойти в боулинг, который находился на цокольном этаже центра. Несколько сыгранных фреймов и пара выбитых страйков наконец немного раскрепостили девушку. Она стала включаться в обсуждения и даже начала подкалывать молодых людей, которые откровенно мазали. Одним из таких был Борис. Лизе его не представляли, а узнала она имя только благодаря табличке на мониторе.

Рослый опрятный молодой человек имел вполне модельную внешность с легким налетом грубости. Выражалось это в некоторых жестах, но больше всего в мимике. Начиная злиться, в очередной раз промахиваясь по кеглям, он слегка прищуривал один глаз и хмурил лоб. Всем в тот же момент становилось понятно, что парень сильно взбудоражен. Тане почему-то доставляло удовольствие видеть его реакцию. Она то и дело показательно хихикала над ним или делала какой-нибудь смешной жест. Борис пытался скрывать эмоции, но его тело само выдавало, что творится у него внутри.

Доиграв в боулинг, часть коллег решила закончить вечер, а другие требовали продолжения в баре. Лиза склонялась к первому варианту, но уговаривать ее долго не пришлось. Поддавшись общему веселью и забыв про обыденность повседневной жизни, девушка присоединилась ко второй компании.

Всю дорогу она общалась в основном с Борисом. Пусть тот и был немногословен, но все его высказывания казались как минимум интересны. Какая бы тема ни была затронута, он непременно в ней разбирался. От него веяло начитанностью.

Весь оставшийся вечер молодежь провела в увеселительных заведениях и разошлась только после полуночи. Лиза с Таней так наплясались и напелись, что, вернувшись, практически сразу легли спать.

— Танюха! Что это было? Меня будто переехали, все болит, — изнеможенным голосом сказала Лиза, наудачу тыкая в пульт телевизора и пытаясь его включить.

— Нормально, это плата за вчерашнее веселье. Надо поесть и еще поспать, тогда быстро отпустит.

— Слушай, мне Борис снился. Приятный такой мальчик. Что можешь о нем рассказать?

— Ну, то, что он тебе был приятен, это я вчера поняла, поэтому и не мешала особо. А что помимо сказать, без понятия, я вообще не поняла, с кем он вчера пришел.

— В смысле? Я была уверена, что это твой коллега.

— Нет, я его первый раз вчера видела.

— О как! Блин, а я даже телефон не взяла у него. Не очень нагло будет, если ты у своих спросишь?

— Вообще не нагло, если только пообещаешь, что хотя бы до лета не съедешься с ним, а то я аренду одна не потяну.

В отстраненных разговорах прошел еще как минимум час, и сколько бы девушки ни пытались заставить себя встать, сила притяжения кровати и усыпляющий фон телевизора все равно побеждали.

— Лиз, тут дичь какая-то, я уже у всех спросила, говорят, что Бориса тоже видели впервые.

— Да чушь. Не мог же он просто, проходя мимо, влиться в компанию. В общем, понятно, просто кто-то из твоих дам не хочет давать его номер. Ну, значит, не судьба...

Они было уже смирились с тем, что в ближайшее время встать с кровати у них не получится, как Лиза краем глаза увидела в телевизоре фото Бориса.

— Тань, смотри! — сделав громкость чуть ли не на максимум, девушка выбралась из постели.

Передача уже подходила к концу, и им досталось только: «Борис пропал без вести четвертого ноября прошлого года. Если у кого-то есть информация по поводу его местонахождения, просьба сообщить в полицию или по телефону...»

Рита

— Рит, ну ты вставай или делись уже давай! — настойчиво потребовал молодой человек от сидевшей рядом подружки.

Рита замерла, совершенно не понимая, почему она должна встать, и чем ей нужно поделиться. Быстро обдумав все варианты, она пришла к выводу, что проще будет подняться. В этот же миг девушка вскочила с лавочки, в ответ на что раздался громкий, резкий хохот сидевших рядом ребят.

— Я же говорил, что надо было придумать что-нибудь про деньги в долг или поцелуй бомжа! — все еще вперемешку со смехом произнес тот молодой человек, что минутой ранее давал Маргарите выбор.

Марго, как ее часто называли друзья, все еще ничего не понимала. А дело было в следующем: Рита болела острой формой астмы. Ей давно уже были прописаны всякого рода препараты и ингаляторы, но частенько, особенно в период цветения, и они не помогали, а иногда девушка просто забывала их использовать, из-за чего могла упасть в обморок.

Обычно Маргарита чувствовала наступление опасного состояния и тогда старалась как можно быстрее куда-нибудь присесть или прилечь, но бывало, что она падала внезапно, например, при усталости.

Раньше ее друзья очень пугались приступов, но спустя десятки таких падений это стало привычным делом. Поэтому теперь они старались вовремя подхватить ее и уже бесчувственную усадить на ровную поверхность. Особенно забавным им казался момент, когда, очнувшись, Рита не понимала, что была без сознания.

Однажды, в очередной такой раз, Марго пришла в себя и вклинилась в разговор, который был начат без ее участия, будто она вовсе не отключалась. Ребят это крайне посмешило, и теперь они устраивали ей шоу, вроде того, что описывалось ранее.

— Ребят, пойдемте уже по домам. Завтра к первой паре на учебу, — предложила девушка, сидящая по правую сторону от Риты.

— Да, давно пора. Спать хочется ужасно, а мне в первую смену, — согласился парень, который недавно подкалывал подругу.

Компания начала активно собираться, и лишь одна Рита безуспешно просила друзей погулять еще. Она уговаривала их задержаться хотя бы на часок, но в ответ получала что-то вроде: «Марго, тебе легко говорить, ты не учишься и не работаешь. А мы все пашем, нам отдыхать надо». Маргарита постоянно обижалась, ведь это был их выбор: учиться или не учиться, работать или не работать. В конце концов, им приходилось расходиться, и тогда у девушки резко падало настроение.

Сама Рита едва закончила школу. И не потому, что она была глупа, совершенно нет, все дело в ее жизненной позиции. В старших классах ей пришла в голову мысль, что учеба в наши дни не нужна. Тому подтверждением было огромное количество признанных миром самоучек. Для работы тоже не стоило напрягаться, ведь вокруг находилось столько примеров актеров, блогеров и моделей, которые без труда сколотили состояния.

Конечно, родители заставили дочь доучиться, но дальше дело не пошло. Вот уже третий год, как она находилась «в поисках того, чем хотела бы заниматься по жизни». Говорить о работе, соответственно, тоже было бесполезно, но когда все же такое случалось, девушка выдавала железный, по ее мнению, аргумент: «Я в любой момент могу завести блог и зарабатывать больше вас».

Достаточно мягкие родители пытались сократить и даже перекрыть ей карманные расходы, но Риту и это не активизировало. Она брала у друзей в долг, просила покупать ей что-то конкретное или без малейших раздумий продавала личные вещи, а если все это по каким-

то причинам не срабатывало, то сидела без денег: «Еда есть, одежда есть — жить можно», — говорила девушка в такие моменты.

— Мам, я дома! Можно что-нибудь поесть? — выдала ежедневную фразу Маргарита.

Но вместо привычного ответа и приглашения за стол она услышала холодное: «Рита, пройди в комнату».

В гостиной сидели серьезные и, как ей показалось, угрюмые родители. Отец, не шевелясь, уставил взгляд в пол, а мать, не моргая, смотрела на дочь. Сразу стало понятно, что разговор будет не из легких. Обычно в такие моменты начинались очередные нравоучения, но Рита уже давно привыкла к ним, поэтому, набрав побольше воздуха в легкие, уверенно зашла в комнату.

— Присядь, — еще более морозным голосом произнесла мама.

Маргарита села на стул, выдвинутый почти в центр, закрыла глаза и, наконец, сделала первый выдох с того момента, как зашла. Морально она была готова к попытке родителей обуздать ее хомутами учебы или работы, но то, что произошло дальше, повергло ее в шок.

— Завтра отец повезет тебя к бабушке в деревню. Раз ты не хочешь ничего добиваться в жизни, то хотя бы ей поможешь, руками опять же хоть что-то научишься делать. Все какое-никакое развитие, ведь сейчас ты откровенно деградируешь...

— Что!? Мам, ты с ума сошла? Мы и так живем, мягко скажем, не в столице, а бабушка вообще у черта на куличиках! Это же полная глушь! Мы туда добираться только сутки будем, а потом столько же обратно. А папе на работу вообще-то надо. Он что из-за этой глупости отпуск будет брать?

Тут в разговор вступил отец, который всегда был мягче матери. В первую очередь Маргарита обращалась с просьбами именно к нему, зная, что у него выклянчить что-то гораздо проще. Но в этот раз и он не стал жалеть дочь.

— Ты не поняла. Это не поездка на выходные, это переезд. Твой переезд, до тех пор пока ты не возьмешься за голову.

Шок Марго перешел в ступор, затем в панику, а после в очередной приступ. Девушка мгновенно начала задыхаться и вскоре потеряла сознание.

Степан Александрович

— Итак, записываем: «Что вы сейчас чувствуете?», «Вы хотите поговорить об этом?», «Давайте копнем глубже», «Проживите эту эмоцию», «Дайте себе время», «Попробуйте отпустить ситуацию», «Позаботьтесь о своем внутреннем ребенке». Обведите красной ручкой, выделите фломастером или заучите наизусть и никогда, слышите, никогда их не используйте! Пусть эти фразы будут для вас как серпом... Считайте, что если вы их произнесете, то призываете Вельзевула! До свидания или прощайте!

Так Степан Александрович всегда заканчивал лекции, отпуская домой студентов. Этим он выражал свою фаталистичную натуру, как бы принимая, что он или кто-то из учеников может не появиться ни на следующей паре, ни на всех последующих.

Степан был молодым, но уже известным в узких кругах психологом. Должность обязывала его преподавать в университете, чему он был не особо рад, так как больше интересовался практикой. Однако цель стать профессором требовала от него этих жертв. Каждый раз, выходя с пары, он «смывал» с себя это бремя, анализируя случайных людей. Как только выдавалась возможность хоть на короткое время остаться с незнакомым человеком, например, стоя на остановке или сидя в кафе, Степан в голове составлял психологический портрет личности: «Темперамент холерика проявляется с первых секунд общения. По характеру — лидер, она явно любит командовать и, скорее всего, делает это регулярно. Возможно, состоит на руководящей должности. Коммуникабельность сильно развита: вступает в контакт легко и непринужденно. Яркая и красочная реакция выдает повышенную эмоциональность».

Помимо характеристик, которые, как он считал, были безусловно верными, обязательно добавлял догадки: «Не замужем, детей нет, карьеристка. Есть домашнее животное, скорее всего кошка. Живет в чистой однокомнатной квартире где-то на окраине города».

Проверить всю эту информацию о людях, которые ему встречались (как правило, один раз в жизни), было невозможно, но это и не было необходимостью. Цель была другая — отвлечься, переключиться с преподавания и заставить мозг работать в нужном направлении.

Немного освежив голову, Степан Александрович направился в сторону своего офиса, где уже несколько лет консультировал людей. Ближайшая запись сегодня стояла на восемнадцать тридцать, поэтому в распоряжении мужчины было предостаточно времени, чтобы зайти в одно из многочисленных кафе в городе.

В небольшом сетевом заведении было немногочисленно. Здесь не продавали бизнес-ланчей, а потому офисных работников в обед тут практически не бывало. Заказав себе сэндвич и кофе, Степан Александрович уселся за столик и закинул руки за голову, выискивая глазами «жертву» для следующего анализа. Выбор был невелик. Практически все посетители, сидящие в доступной для составления психологического портрета видимости, были банальны и примитивны. Мужчина не любил людей, с которыми все было просто, как с открытой книгой. Его всегда интересовали люди взбалмошные либо, наоборот, сильно зажатые. В общем, с какими-то подводными камнями или тараканами в голове.

Спустя несколько минут безуспешного поиска Степан увидел в окне яркий экземпляр, проходящий мимо него. К немалой радости психолога объект наблюдения зашел в то же кафе и, не оглядываясь по сторонам, сходу сел за столик напротив, лицом к мужчине. Степан Александрович убрал руки из-за головы, пододвинул стул ближе к столу и выпрямился.

Перед ним сидела молодая девушка лет тридцати в кожаной куртке, надетой поверх топа. На шее висел кулон с черепом, а на пальцах красовалось обилие колец. Из-под черных волос змеей выползал, по-видимому, старый, но довольно броский шрам.

Обычно для получения полной картинке о человеке психологу нужна была всего пара минут, но тут одни черты характера перебивались другими, а уровень эмоциональности был совершенно неясен.

Степан так тщательно пытался понять, кто эта особа, что не заметил, как ему принесли заказ, и отвлекся лишь тогда, когда официантка второй раз поинтересовалась, не нужно ли ему чего-нибудь еще...

— Э, нет... Спасибо, — одернулся он, наконец переведя взгляд на работницу кафе.

Едва мужчина собрался вернуться к анализу, как увидел, что девушка идет в его сторону и смотрит прямо ему в глаза. Она без спроса присела за столик и сказала:

— Я не очень люблю все эти прелюдии и условности. Так что давай напрямую — мы знакомы? Ты меня просто так глазами пожираешь, то ли пытаешься вспомнить, то ли фантазируя о чем-то.

— Простите, девушка, — оторопев от такого напора, произнес Степан Александрович. — Нет, мы незнакомы, просто у вас очень необычная манера поведения. Скажем так, вы выделяетесь из толпы.

Четкими, отточенными движениями она достала из сумочки зеркальце и уголком салфетки подровняла края помады. Это не было вульгарно, скорее, так девушка показывала свою незаинтересованность в услышанном. Будто мужчина сам подсел к ней без спроса и начал диалог.

Без малейшей спешки она привела макияж в порядок и вернулась к разговору.

— Дарья. Как Нуки¹, но тебе это вряд ли о чем-то говорит. А ты?

— Степан.

— Как Разин² или как один из трех королей Хорватии?

— Наверное, ни то, ни другое. Скорее, просто как Степан Александрович.

— Жаль, — заключила девушка. — Я расскажу тебе одну историю. Однажды я познакомилась с милейшим, очень внимательным и обходительным парнем. Это была моя первая серьезная любовь. Поэтому я, окрыленная, не задумываясь, полетела с ним на край земли. А через неделю он начал меня бить. Сильно. Но я, как и в детстве, когда отец оставил мне на память этот шрам, — она отодвинула рукой волосы и продолжила, — ничего не могла сделать. Я долго терпела, но потом поняла, что подобные вещи недопустимы, и научилась разбираться с ними. Правда, не совсем стандартно. А как справляешься с проблемами ты?

Такая откровенность ввела мужчину в ступор, но театр требовал продолжения сцены, и он ответил:

— Обычно я их разжевываю. Сначала пытаюсь понять истоки, потом возможные пути решения, ну и, наконец, пробую что-то сделать.

В этот момент к Даше подошла официантка с меню, на что та, не дожидаясь вопроса, сказала:

— Не нужно. Я уже ухожу.

— Так быстро? Может, я все же угощу вас кофе? — торопливо, опасаясь, что может не успеть договорить до ее ухода, бросил Степан Александрович.

Будто не слыша его вопроса, она вновь достала зеркальце, посмотрелась в него и произнесла:

— До встречи!

На удивление, и несмотря на кажущуюся неловкой ситуацию, общение с Дарьей показалось психологу интересным, даже несколько приятным. Осознание того насколько пришло лишь потом, когда он понял, что не совершил свой ритуал с «навешиванием психологического клише». Все же было в ней что-то, что моментально цепляло, заставляло погружаться в нее. Но привычка — страшная сила, поэтому Степан начал воссоздавать образ девушки в голове: «Интеллект выше среднего и высокая адаптивность — умеет выстраивать рабочий процесс.

Разносторонне развитая личность. Холодная целеустремленность с возможной эксплуатацией других. Поверхностный шарм и способность располагать к себе. Склонность к манипуляции. Эмоциональная отстраненность, отсутствие эмпатии. Нарциссизм».

Только проведя анализ, Степан Александрович задался вопросом, как он мог упустить столь интересную личность и не дать оценку сразу. Во время рефлексии появилось ощущение, что он был будто одурманен в момент общения, не замечая так резко бросающихся в глаза асоциальных качеств человека.

«Какая интересная вырисовывается картинка, — думал он, не обращая внимания на прохожих. — Какой яркий психологический портрет. Это же один в один первый серийный маньяк Америки — Генри Говард Холмс, только в юбке!»

От восхищения этот вывод крепко занял у психолога позицию первостепенной мысли. Весь остаток дня в его голове крутились образ, слова и действия девушки. Лишь изрядно вымотавшись после работы, Степан наконец переключился на завтрашние лекции. Помимо обилия текстового материала, ему нужно было подготовить презентацию по новой теме, поэтому вечер предстоял длинный.

Купив продукты в ближайшем магазине, мужчина вошел в свою квартиру. Сняв обувь и верхнюю одежду, он хотел было отнести еду на кухню, как вдруг увидел слабый свет из своей комнаты. Степан Александрович не имел привычки оставлять приборы освещения включенными, но утро было тяжелым, так что он не исключил такой возможности. Открыв дверь, мужчина убедился — настольная лампа возле его кровати горела. Он направился к ней, как вдруг боковым зрением заметил в углу комнаты силуэт, сидящий в кресле. Степан дернулся и застыл. Это была та самая Дарья из кафе.

— Ну что, не казак и не король, в чем истоки этой ситуации?

Степан Александрович был обескуражен и безусловно напуган: малоизвестная ему девушка оказалась в его собственном доме без приглашения. Почему-то в тот момент мужчина первостепенно подумал не о том, как она могла там очутиться, а о том, как она говорила о решении ситуаций. Довольно тусклый свет от лампы падал на ее лицо так, что каким-то образом подчеркивал шрам. Он будто был подкрашен чем-то. Возможно, это тонкая тень от рубца визуально расширила его.

«Ну и шрам... Конечно, шрам. Как и у большинства будущих маньяков. Ее били в детстве, наверняка оставив не только внешнее, но и внутреннее увечье», — думал он, стоя совершенно неподвижно.

Глеб

— Ну и чего мы тут делаем? Неужели ты наконец решил свозить меня на Бали?

— Может, и на Бали, но, честно говоря, шансов мало, — ответил Глеб Мини.

Они сидели в аэропорту, уставившись в электронное табло, на котором то и дело сменялись рейсы.

— Мини, это будет просто шикарно! В общем, история такая: у меня друг работает в туристическом агентстве. Ну, как работает, работал, пока не уволили из-за того, что он мутил всякие махинации с путевками. Его частенько ловили, но начальник офиса — просто неженка. Друг каждый раз косил под дурачка, говорил, что у него родственник болеет, и вообще, это было в последний раз. В итоге его постоянно прощали. А тут руководитель обзавелся женой, и она ему вправила мозги, мол, давай увольняй сотрудника... Начальник дал другу неделю на поиски работы и сказал писать заявление по собственному желанию. Ну а он, не будь дураком, распродал кучу туров за безнал, а мне слил всю информацию по поводу чартеров, которые останутся без оплаченных билетов. По идее, аэропорт должен скинуть их по дешевке в последний момент. Тур так и так прогорел, но хоть билеты окупятся. Вот, смотри, через двадцать минут рейс в Калининград. Это один из наших, пошли узнавать.

Пройдя в кассу, Глеб попросил два билета на ближайший самолет до Калининграда, но в ответ услышал, что билеты в продаже только на завтра.

— Вот зараза! Должно быть, продали уже... Ладно, это не последний чартерный рейс сегодня. Через пару часов Владивосток. Как только появится на табло — сразу побежим.

Да... Глеба восхищала идея добраться максимально далеко и потом каким-то образом выбираться оттуда без денег. Оттого он был крайне взбудоражен и по-хорошему взволнован. Мини, напротив, пребывала в своем обычном отрешенном состоянии — не спеша потягивала коктейль через трубочку и молча слушала про очередную затею Глеба.

Владивосток тоже оказался «безбилетным», как и следующий рейс. С местами повезло лишь с четвертой попытки. Заходя на трап самолета, Мини наконец начала участвовать в диалоге:

— Так куда мы летим? Ванавара, Варнавана, Ванравара? Что это за дичь вообще? Где это? — сквозь смех безудержно бормотала она.

— Это «сплит-чартер». Вообще круто вышло. Считай, за копейки на другой конец страны.

В течение всего полета Глеб находился в предвкушении, будто ребенок, ждущий вручения подарка, а вот флегматичная Мини спала почти до последнего. Даже пересадку в аэропорту она делала, щуря глаза, и окончательно проснуться смогла лишь по прибытии в конечный пункт.

— Ну и пердь! — с улыбкой и блестящими глазами произнесла Мини. — Тут вообще люди живут?

— Да, знатная глушь. Всего каких-то 9 часов, и мы будто в другом мире.

— Я боюсь подумать, чем мы займемся перед вылетом обратно. Тут же, судя по всему, даже банальной кафешки нет.

— Подожди! Какой обратно? Я же не сказал, в чем здесь «восклицательный знак» заключается! В общем, идея такая: мы садимся на железную птицу за копейки, а потом пересаживаемся на поезд или электричку и едем дальше. И так, пока не кончатся деньги. Надеюсь, у тебя есть заначка, а то я сегодня не шибко богат.

— Э, не, дорогой! погоди. Я, конечно, ценю наши приколы, порой даже слишком, но завтра мне кровь из носу нужно быть дома. У меня билеты на концерт куплены. Да и денег осталось только-только на самолет обратно.

— Ну, Мини! Солнце! Ты просто пока не понимаешь, как это будет круто. Дорога — это не цель, а средство для достижения цели. Нужно добраться до нее, и тогда ты все поймешь...

Глеб пытался как мог уговорить Мини продолжить путь, но она была непреклонна. Оставшийся час до обратного рейса он просидел с ней, то и дело предлагая остаться, на что девушка лишь извинилась, поблагодарила его за день и ушла, растворившись в очереди на посадку. Они ни разу не ругались со дня знакомства. Так было и сейчас, но впервые у Глеба осталась обида на подругу.

«Предательница! Конечно, привыкла, что все делаю я, а она только наслаждается шоу, а как самой пришлось что-то сделать — сразу дала заднюю», — думал он, садясь в отъезжающий в неизвестном направлении поезд.

Дядя Миша

Первая встреча дяди Миши и его ранее незнакомой сестры прошла двояко. С одной стороны, Элиас показалась ему крайне милой, воспитанной и приятной девушкой, но тот факт, что это человек, которого он совсем не знает (к тому же выделяющийся некоторыми особенностями заграничного менталитета), заставлял его осторожничать.

Элиас, или, как он решил ее звать, Эля, была сильно моложе его. У них были какие-то общие черты, но больше всего она походила на мать. Это обстоятельство и, показанные сестрой, фотографии, где она с родителями, не оставляли ни доли сомнения, что они с Михаилом родственники, но в полной мере принять этого он не мог.

После знакомства мужчина, пусть и неискренне, предложил ей остаться у себя, но Эля, то ли чувствуя это, то ли из вежливости, отказалась и сняла номер в гостинице.

Несмотря на неоднозначные ощущения, которые оставила эта встреча, у дяди Миши появилось желание узнать, чем жили родители после их окончательного расставания. Михаил в этом желании не узнал сам себя: ему всегда казалось, что родители — это как данность, которая как появилась, так и исчезнет, и управлять этой данностью невозможно. Теперь же он подумал о том, что хотел бы узнать о них побольше.

Очередная встреча обещала быть куда более удачной по сравнению с прошлой, так как на этот раз не было усталости от дороги, спешки при заселении, да и появилась некоторая легкость в общении. Вероятно, из-за того, что родственники нашли хоть какие-то общие интересы, а еще поняли, что по характеру не так и далеки друг от друга.

Порядка часа брат с сестрой просидели в ресторане, общаясь в основном о разнице между странами, менталитете и немного даже о политике. Прогуливаясь после по парку, Михаил поинтересовался:

— Слушай, прости за нескромный вопрос, а как у тебя с финансами? Я в том плане, что есть ли тебе где жить... Не подумай, я не напрашиваюсь на наследство от родителей. Я вообще считаю, что они дали мне больше, чем нужно.

— У нас это не считается нескромным вопросом. У нас вообще все проще. Можно спрашивать возраст девушки, про ее личную жизнь и уж точно о финансах.

Элиас вполне неплохо говорила по-русски, даже акцента практически не было, так как всю жизнь в семье она общалась на родном для родителей языке. Мало того, не редко русская эмиграция пересекалась с ней путями. Однако нечеткость в некоторых склонениях и падежах выдавала ее «заграничность».

— Все хорошо. Мне остались довольно приличный дом, машина и кое-какие накопления. Сама я нормально зарабатываю, так что не жалуюсь. Но вот, кстати, наследство — это еще одна причина, почему я решила прилететь сюда. Отец часто рассказывал о семейном доме, где-то в глубинке России. Говорил, что не был там с юности. Это тоже часть доставшегося мне имущества, и я хотела бы съездить посмотреть на него. Сам дом мне, по правде говоря, не нужен, я не планирую задерживаться в России, так что могу его переписать на тебя, бумаги я привезла с собой. Мне интересно другое. Отец упоминал о картинах, одну из которых подарил его прабабушке сам Николай II. Мы, конечно, понимали, что это всего лишь семейная выдумка, но тем не менее картина точно старая, и мне как арт-дилеру очень хочется на нее взглянуть, — Элиас достала из кармана записку и протянула брату. — Вот адрес дома.

Дядю Мишу эти слова немного огорчили. Во-первых, ему стало обидно, как ребенку, за то, что он вообще ничего не знал ни о доме, ни о картинах. А во-вторых, ему начало казаться, что развеянные опасения о том, что Эля приехала с целью наживы, вновь начали прорастать. Не сдержав эмоций, он вклинился в речь Элиас:

— А чего ж ты сразу туда не поехала? Ведь дом по закону твой, следовательно, и картины тоже.

— Миш, ты не подумай. Я правда не из-за денег. Повторюсь, если хочешь, дом я перепису на тебя. А картины вполне могут оказаться просто барахлом, но если нет, то можем разделить их пополам. Но я, как ты понимаешь, совершенно не ориентируюсь в России. Я до тебя то добралась с огромным трудом. А тут совсем окраина какая-то. Боюсь, без твоей помощи не справлюсь.

Михаила все еще преследовала некоторая обида, и если бы не она, то, вероятно, ему стало бы стыдно за свои мысли. Тем не менее у него почему-то было чувство долга перед сестрой. Будто отчасти есть и его вина в том, что они не общались.

— Хорошо, давай так. Мы поедem в этот дом. Мне тоже хотелось бы на него взглянуть. Переписывать его не надо, лучше продай. Но поехать мы сможем только на следующих выходных. Путь, мягко говоря, неблизкий и действительно непростой, а у меня на этой неделе договорено несколько встреч. Разберусь с ними, и тогда будет три-четыре свободных дня. Нам как раз хватит.

Сергей Сергеевич

Весь день перед отъездом Сергей не находил себе места. Сказать, что он не хотел ехать, значит ничего не сказать.

Усопшего он знал больше по рассказам отца, а видел всего пару раз в жизни. Тем более от самой идеи совместного времяпрепровождения с отцом мужчину буквально корбило.

Взяв незапланированный отпуск, депутат целый день провел дома. Для его жены это был кошмар: без того черствый и довольно грубый супруг, в свете крайних событий, превратился в ходячую бомбу с искрящимся фитилем. Каждое едва заметное пятнышко или неровно положенный столовый прибор тут же становились поводом для крика. Люся поначалу пыталась делать все идеально, так, чтобы не осталось ни одной причины для разногласий, но, поняв, что это бесполезно, просто как можно реже попадалась мужу на глаза.

Конечно, Сергей Сергеевич старался придумать предлог, чтобы не поехать, но все они были слабоваты и легко бы прочитались отцом как ложь. Смириться с мыслью, что поездка неизбежна, удалось только под самую ночь. Небрежно побросав вещи в дорожную сумку, мужчина лег спать под включенный телевизор.

Утром вспыльчивость Сергея сменилась на то состояние, которое случалось с ним редко, но если случалось, то сидело в нем глубоко и долго. Сергей ушел в себя. Люся боялась этого куда больше привычной ей ругани, потому что было совершенно непонятно, о чем он сейчас думает и как поведет себя в какой-то ситуации.

Однажды, когда мужчина был еще серьезным бизнесменом, сотрудники внутренних дел закрыли одну из его торговых точек, изъяв в придачу весь товар. Сергей пытался всеми силами отстоять свой магазин: и жалобы писал, и запугивал, и даже порывался дать взятку, но все тщетно. Слишком высоко сидящие люди сделали все, чтобы не оставить ему ни единого шанса. Когда мужчина осознал безысходность ситуации, то закрылся в своем внутреннем мире.

Люся пыталась отвлечь супруга, как могла: готовила особые блюда, предлагала всякого рода увеселительные поездки и, более того, устраивала сюрпризы, тайно приглашая его знакомых. Но ничего, совершенно ничего не могло ему помочь. Он просто молча существовал, не реагируя ни на что. Выходом из этого состояния в прошлый раз стало новое увлечение. Жена поначалу этому безумно обрадовалась, ведь Сергей снова начал разговаривать и даже улыбаться чаще обычного, но очень быстро впал в крайность. Он стрелял всегда и везде. Сперва только в тире, потом добавился лес, и вот, неделю спустя, мужчина бегаёт по территории своего дачного участка в одних трусах и уничтожает все, что можно представить в роли мишени: бутылки, цветочные горшки, гипсовые бюсты, украшающие территорию...

В один из таких дней, когда Люся под шум выстрелов готовила на летней кухне обед, Сергей не рассчитал траекторию. Пуля отрикошетила от статуи и, прошив вагонку, влетела в кастрюлю с борщом. Стрелок, конечно, перепугался и побежал проверять, все ли в порядке: на полу без сознания лежала Люся, а весь пол был раскрашен красным. Решив, что убил человека, Сергей Сергеевич приставил ружье к подбородку, но супруга вовремя пришла в себя и остановила мужа. С тех пор оружие в руки он не брал.

Молчание сегодняшним утром очень четко напоминало начало этой истории, поэтому Люся до того самого момента, пока Сергей не сел в поезд, неустанно молилась про себя и о себе. Едва поезд тронулся с перрона, она выдохнула, и, натянув улыбку победительницы, отправилась в ближайший к вокзалу спа.

Дорога до областного центра была для Сергея Сергеевича настоящим испытанием. Весь путь отец тыкал ему тем, что тот не пошел по стопам предков: не стал военным, а занялся политикой; постоянно пытался уличить его в воровстве и вранье, задавая всяческие вопросы, которые должны были вывести его на чистую воду. Сергей же терпел это как мог, стараясь как

можно больше спать или делать вид, что спит, чтобы как можно меньше общаться с отцом. Правда, и за это получал нагоняй со словами: «Вот, говорю же, во власти только спать и умеют! Ничего делать не хотят! Народ пусть трудится в поте лица, а мы поспим...»

Подъезжая к городу, морально замученный политик посвежел. Его безумно воодушевляла мысль, что вот-вот они выйдут, и упреки в его адрес прекратятся, поэтому в открывшиеся двери поезда Сергей буквально вылетел. Каково же было его разочарование, когда он узнал, что похороны будут проходить не в самом городе, а в области. И добираться туда нужно будет на электричке. На предложение воспользоваться услугами такси отец, конечно, ответил строгим, принципиальным отказом.

Лиза

Двое суток Лиза думала только о той внезапной встрече с Борисом. Кто он? Призрак, брат-близнец человека из программы новостей, или, может, хитрая уловка журналистов — специально «потерять» человека, а потом его героически найти? Как бы то ни было, эти мысли поедали Лизу изнутри. Не найдя в себе силы забыть о происходящем, она решила включиться в поиски пропавшего.

Первым делом девушка по второму кругу опросила всех коллег Тани — безрезультатно. Затем позвонила в службу новостей, но там сказали, что они больше не занимаются поисками этого человека.

За неимением зацепок, Лиза отправилась в отделение полиции. После долгих объяснений дежурному по участку цели своего визита — девушке наконец дали телефон следователя. Он, в отличие от дежурного, будто бы ждал ее звонка и предложил незамедлительно встретиться.

Так как управление находилось на другом конце города, встреча была назначена в ближайшем к Лизе кафе. Это ее очень удивило — ей казалось, что следователи — это надменные люди, которые могут только вызывать к себе, несмотря на занятость и неудобства граждан. А тут он приедет сам, да еще и в тот же час. Ко всему прочему, выглядело подозрительно и то, что встреча должна была пройти в неформальной обстановке, а не в том же участке. Но желание узнать хоть что-то о Борисе помогло девушке подобрать логичное объяснение для всего этого: «Вероятно, это честный, трудолюбивый сотрудник, а так как все кабинеты ближайшего отделения полиции заняты, он нашел единственно доступный вариант».

Лиза не спеша дошла до назначенного места и, рассчитав в голове время прибытия следователя, стала изучать меню. Едва дочитав до странички с напитками, она увидела, как в кафе влетел мужчина средних лет в кожаной куртке. Осмотревшись по сторонам, он подошел к столу.

— Лиза?

— Да, это я, — оторопев и высоко подняв брови, ответила девушка.

Не поздоровавшись, он без спроса сел за стол.

— Итак... Мне сказали, вы видели Бориса на прошлой неделе. Расскажите, при каких обстоятельствах? Вы были раньше с ним знакомы?

— Нет, не была. Я пошла на корпоратив подруги, и там мы познакомились. Скажите, а как он пропал?

— Он оставлял вам номер телефона или, может, называл какие-то адреса? — будто не слыша вопроса, спросил следователь.

— Нет, я была уверена, что это работник из фирмы Тани, но оказалось, что его никто не знает, я узнавала. А у вас уже есть какие-то новости о том, что с ним?

— Так, номер Татьяны мне, пожалуйста, запишите и больше не вздумайте заниматься самодеятельностью. Для поисков есть полиция, — в очередной раз проигнорировав вопрос, мужчина протянул листок бумаги и ручку. — Значит, смотрите: если парень выйдет с вами на связь — немедленно сообщите мне. Мой телефон у вас есть.

Мужчина встал, взял листок с записанным Лизой номером и, повторив: «Незамедлительно», вышел из кафе.

Иллюзии по поводу порядочности следователя стерлись в момент. В голове все стало еще запутаннее: он опрашивал ее, будто Борис преступник, а не тот, кому нужна помощь.

«Разве так должны поступать сотрудники полиции?» — подумала Лиза и, без малейшего понятия, что ей делать дальше, отправилась в сторону дома.

Как только она вышла из кафе, в нее врзлся человек в кепке с высоко поднятым воротником. От столкновения из рук мужчины выпала кипа бумаг и разлетелась в разные стороны.

Лизе, уже уставшей от окружающего хамства, захотелось накричать на неуклюжего прохожего, но спустя несколько секунд она закрыла глаза, глубоко вздохнула и, присев, принялась помогать ему.

Лиза собрала с дюжины листов возле своих ног и потянулась за следующим, как в этот же момент за тем же листом протянул руку мужчина. Едва пальцы соприкоснулись, прохожий резко и нервно одернул руку.

Девушка не поняла, отчего такая неприязнь, и, подняв глаза, замерла в ступоре.

— Меня ищут. Не привлекайте внимания.

Это был он! Точно он! За козырьком и воротом его лица практически не было видно, но сомнений не оставалось. В голове Лизы в момент возникло огромное множество вопросов, но, взяв себя в руки, она продолжила неспешно поднимать пустые листы с асфальта.

— Я понимаю, что у вас нет причин мне доверять, но поверьте, все встанет на свои места, когда я объясню. Только прошу: до того момента никому не рассказывайте, что меня видели. Завтра в этом же кафе в восемь вечера — вам будет удобно?

— Да, — будто с оттенком вопросительности произнесла девушка.

— Тогда до завтра, Лиза! — парень забрал из ее рук листы, на несколько секунд посмотрел ей в глаза и, не оглядываясь, ушел, оставив после себя лишь скромную улыбку.

Лиза, как вкопанная, стояла на этом месте еще добрую минуту, пока автомобильный гудок проезжающего такси не вернул ее в реальность.

Все попытки узнать хоть что-то о Борисе были тщетны, а тут он сам свалился как снег на голову. Да еще и так, будто Лиза невольно стала героиней какого-то детектива. Голову переполняли мысли, идеи, предположения...

«Незамедлительно сообщить!» — всплыли слова следователя.

«Прошу, не говорите...» — как бы в противовес прозвучала просьба Бориса.

«А вдруг он душевнобольной и ему нужна помощь? Нужно сообщить. Точно нужно! Хотя следователь этот очень уж странный. Как и все вокруг», — беспокоилась Лиза.

Остаток дня девушка безуспешно ломала голову, как ей следует поступить. Соображений было крайне много, а принять хоть какое-то решение она была не в силах. Единственным проверенным способом Лиза посчитала разговор с Таней.

«Так, сегодня среда, значит, она будет позже обычного», — выходя из ванной, думала девушка. Постоянный мозговой штурм высосал из нее все силы, поэтому она решила прилечь до ее прихода. Таня, независимо от времени дня и ночи, имела привычку заходить в квартиру очень шумно: швырнуть ботинки, обматерить вечно падающую с крючка куртку и, конечно, громко хлопнуть дверью. Проспать такое просто невозможно.

«Пара часов сна — это то, что нужно!» — рассудила Лиза, укутавшись мягким одеялом.

Открыв глаза, она наконец, впервые за долгое время, почувствовала, что отдохнула. Мышцы приятно потягивало от пребывания в одном положении, а голова была абсолютно ясна. Сквозь щель между плотных штор пробивался солнечный свет, который заставил Лизу задуматься о времени.

«е-мое!» — рывкнула она, резко вскочив с кровати.

Взяв в руки телефон, девушка увидела, что время — первый час, и прочитала вечернее сообщение от подруги: «Милая, прости, сегодня не приду. Познакомилась с милейшим мальчиком. Мы едем в караоке».

Такое иногда случалось: Таня могла загулять на всю ночь и, не заезжая домой, поехать на работу. По какой-то причине внешне усталость на ней не отражалась. Только ближайшие выходные она проводила в кровати, не вставая, восстанавливая форму.

Накинув на себя первое, что попало из одежды, бегло почистив зубы и проглотив залпом чашку холодного кофе, Лиза вылетела на работу. Вообще, у нее не было строгого графика

и, как следствие, никто не смог бы отчитать ее за опоздание, но она сама выстроила себе в голове расписание и на данный момент очень отставала.

Работать толком не получалось. Несмотря на хороший сон, все сыпалось из рук, а мысли были только о предстоящей встрече, вплоть до того момента, когда Лиза приехала в кафе. Естественно, добралась она сильно раньше назначенного времени, но этот факт сам по себе успокаивал ее, ведь она сделала все, что должно. Без пяти восемь в кафе вошел Борис. Сегодня он был уже без излишней «киношной» маскировки. Только не свойственные ему большие очки говорили о том, что он все же чего-то опасается.

— Здравствуйте, Лиза! Я присяду?

— Конечно! Как вы? — неожиданно для себя трепетно спросила девушка.

— Все в порядке, ну... почти все. Спасибо, что пришли. Как у вас дела?

— Все хорошо. Ну, почти все...

— Вы наверняка хотите задать кучу вопросов, и я с удовольствием на них отвечу, но вынужден предупредить: у нас очень мало времени. У меня поезд буквально через час.

У Лизы действительно было много вопросов, но теперь, когда она сидела напротив Бориса, и время было сильно ужато, не могла расставить приоритеты.

— Почему вы прячетесь? Нет. Почему вас ищут? Нет...

— Лиза, прошу вас, успокойтесь. Давайте сначала я расскажу вам небольшую историю. Уверен, вопросов поубавится, а на оставшиеся отвечу, на сколько хватит времени?

Девушка замолчала, глубоко выдохнула и согласно кивнула.

— На самом деле история достаточно банальна, но назвать ее короткой нельзя. Поэтому пропустим моменты совсем давних лет и перейдем сразу к кульминации. Мы с братом — ученые. Ну, вернее, я по большому счету подмастерье брата, а вот он — настоящий гений. И он создал нечто! Настоящий прорыв в науке, который спасет сотни, если не сотни тысяч жизней. Это цель всей его жизни, мечта, если хотите. К сожалению, у нас в Академии наук не редко бывает, что проекты, даже самые полезные, актуальные и востребованные, не всегда доходят до народа. Изобретения просто выкупают дяди с большими карманами. Для чего, конечно, не говорят, но думаю, цель всегда одна — сделать свой карман еще больше. А к тем, кто не хочет продавать разработки, находят свой подход. Бывали и шантажи, и подкупы полиции с намерением запятнать честь ученого, и многое другое. Алексей — мой брат — безумно этого страшился, и, когда первые тесты дали положительные результаты, начал подстраховываться. На последней стадии испытаний, которые происходят ровно в эту минуту, он отправил данные во все мировые инстанции для дальнейшей огласки и использования в мирных целях. Без этих испытаний сведения не имеют никакой ценности, так как кроме нас никто не знает тонкостей разработки. И наша задача — дожидаться, когда крайние тестирования закончатся, и открытие брата грянет на весь мир. Тогда эти дяди не смогут присвоить разработки себе и скрыть их от общества. Вы не подумайте, мы все это не из-за денег. Если бы это было так, мы бы давно обратились к заинтересованным людям с целью продажи.

В этот момент к ним подошел официант и предложил меню. Борис моментально замолчал и уставился на спутницу. Лиза хотела отказаться, но не смогла справиться со своей правильностью. Ведь они сидели в заведении и ничего не заказали.

— Молодой человек скоро уходит, а мне чашку травяного чая, пожалуйста.

Официант кивнул и удалился. Проводив его взглядом, Борис продолжил: — Нам важно сделать мир хоть капельку лучше. Алексей, к слову, сейчас находится в глухих лесах. Он фанат походов, но по долгу науки выбираться в них не имеет возможности. И вот наконец выдался прекрасный повод — уехать куда подальше, чтобы его никто не мог найти. Даже я не в курсе точного местоположения. Что касается меня, то я человек городской — мне сырость и комары приносят только дискомфорт. Потому и бегаю от товарищей-полицейских, которые нам не товарищи. Но сейчас все же необходимо убраться подальше: слишком большие риски,

— парень взглянул на часы и заторопился. — У нас с вами осталось не более пяти минут, такси уже на подъезде. А теперь самое главное: если вы посчитаете это приемлемым, то я приглашаю вас с собой. Палатку с костром обещать не могу, но старенький домик с печкой от Академии наук я вам организую. Правда, это не ближний свет, мягко говоря.

Борис был прав, вопросов стало в десятки раз меньше, и приоритеты расставились сами собой.

— Ух... Вот это вы мне включили мозги. Допустим, все это правда, и вы не какой-нибудь международный террорист. Допустим, я вам поверю, но меня сильно озадачивает один момент. Почему вы мне доверяете? Я ведь могла еще вчера рассказать все следователю. И вопрос, который не дает мне покоя с самого начала: как вы оказались в чужой для вас компании при нашей первой встрече?

— Начну с конца. Меня в тот момент почти прижали, и мне пришлось импровизировать. Ваша компания подвернулась очень удачно. Только не подумайте — сейчас я с вами не ради прикрытия. Вы мне действительно интересны. А что касается доверия, то вы, безусловно, могли меня сдать. Но сейчас я сижу здесь, с вами, а не в черной «Волге» с государственными номерами. Значит, я в вас не ошибся. Так что насчет незапланированного отпуска?

Лизу ровно до этого вопроса все еще грела мысль о том, что это шутка. Но, кажется, парень действительно хотел, чтобы она поехала с ним непонятно куда, непонятно на сколько.

— Борис, простите... мы с вами едва знакомы. Да и при всей моей симпатии к вам, эта ситуация несколько озадачивает, если не сказать, что пугает.

— Что ж. Я был готов к подобному ответу и полностью вас понимаю. Думаю, что на вашем месте поступил бы так же. Но если вдруг вы передумаете — вот адрес. Как и в прошлый раз попрошу никому о нем не сообщать до конца испытаний.

В этот момент зазвонил телефон. Борис бросил взгляд в окно на подъехавшее такси, скинул трубку и произнес:

— Если вы все же не приедете, могу я рассчитывать на встречу здесь, когда вся эта история закончится?

— Безусловно! — с удивительной для себя легкостью выпалила Лиза.

— Тогда до свидания!

Степан Александрович

— Выдохни уже, присядь, и я отвечу на твои вопросы, — как-то нежно, но при этом повелительно сказала Дарья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.